

Христіанская нравственность.

Въ некрологѣ о профессорѣ М. А. Олесницкомъ изложены краткія свѣдѣнія о докторской диссертациі покойнаго профессора („Изъ системы христіанскаго нравоученія“), о рецензіяхъ на оную и ея значеніи. Считаемо своевременнымъ высказать нѣсколько замѣчаній по предмету названной диссертациі, но уже безъ всякаго отношенія къ самой диссертациі и ея автору, а единственно имѣя въ виду особую важность для переживаемаго нами времени и теперешняго состоянія умовъ вопроса о христіанской нравственности.

Подъ названіемъ нравственности разумѣется здѣсь общій характеръ дѣятельности, въ чемъ бы таковая ни состояла, будетъ ли это дѣятельность ученая, художественная, политико-общественная и каковъ бы ни былъ ея размѣръ.

Возможны и есть въ дѣйствительности только два основныхъ типа нравственности. Одинъ типъ нравственности основывается на *вѣрѣ*,—другой на *расчетѣ*. Вѣра рождаетъ энтузіазмъ въ душѣ, стремительность и непреклонность въ дѣйствіи; расчетъ, напротивъ, есть начало сдерживающее, побуждающее къ осторожности, медленности, ко всесторонней осматрительности, обыкновенно избираетъ несомнѣнное и очевидное. Само собою разумѣется, что оба

эти начала—вѣра и расчетъ—одинаково необходимы во всякой дѣятельности. Несомнѣнно и то, что самая дѣятельность можетъ быть такова, что требуетъ преимущественно либо одного, либо другого начала: въ дѣятельности технической, можно сказать, все основывается на расчетѣ. Напротивъ, въ дѣятельности по преимуществу духовной и вмѣстѣ творческой, созидательной (педагогическая и научно-просвѣтительная, художественная, государственная) необходимы вѣра, энтузіазмъ, одушевленіе, — что называется геніальностію, если соединяется съ пропіцательностію и силою разумнія. Но когда говоримъ о вѣрѣ и расчетѣ, какъ основаніяхъ различныхъ типовъ нравственности, то разумѣемъ не ту или иную спеціальную дѣятельность, а все поведеніе человека, взятое въ его цѣлости, весь характеръ человека, проявляемый имъ во всей своей жизни, что составляетъ его личность. И вотъ если основную, самую коренную черту въ характерѣ человека составляетъ расчетливость, осторожность, мелочность, преувеличенная боязнь всякихъ опасностей, подозрительность въ отношеніи къ людямъ, ихъ дѣламъ и обстоятельствамъ жизни, то такой характеръ означаетъ отсутствіе вѣры, хотя бы человекъ, по своему общественному положенію, былъ представителемъ вѣры какъ принципа нѣкоторой общественной дѣятельности. Возможенъ и обратный случай, что человекъ по своей профессіи обязанный постоянно рассчитывать, соображать, взвѣшивать, по своему характеру, по коренному свойству своей личности, является преисполненнымъ вѣры въ добро и истину.

Для болѣе тщательной характеристики названныхъ типовъ нравственности слѣдуетъ взять во вниманіе выраженіе каждой изъ нихъ какъ въ устроеніи жизни, такъ и въ міровоззрѣніи, т. е. въ характерѣ и направленіи мышленія у разныхъ народовъ,—проявившихъ свой характеръ болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ въ исторіи.

Вѣра, безъ всякаго сомнѣнія, самое глубокое творческое начало жизни. Поэтому дѣйствіе этого начала открывается преимущественно во внутреннемъ строѣ душевной жизни и въ разнообразныхъ формахъ духовнаго творчества. Отсюда и дѣятельность созидательная, коль скоро для нея главнымъ источникомъ служить вѣра, вдохновеніе, энтузіазмъ, развивается преимущественно въ направленіи созерцательномъ, теоретическомъ. Плодомъ такого направленія творческихъ силъ являются міеологія, произведенія искусствъ и наукъ, обрядовыя формы жизни общественной, политической и частной. Такое направленіе творчества мы видимъ особенно у древнихъ Грековъ, къ которымъ изъ Египта перешла вѣра, какъ основное начало жизни, начало духовное, еще не сознанное въ его особенности, но облеченное въ натуралистическое міросозерцаніе (посему *πίστις* у Платона понимается въ значеніи чувственнаго акта воспріятія и созерцанія, Климентъ же Александрійскій понимаетъ вѣру какъ духовный актъ воспріятія, чему у Платона соотвѣтствуетъ умозрѣніе—*νόησις*, воспріятіе и созерцаніе чисто умственное). Замѣчательно, что и Греки получили начатки своей цивилизаціи, которые достигли у нихъ столь высокаго развитія, изъ Египта, изъ Египта же произошелъ и Мойсей—законодатель Евреевъ, а затѣмъ уже въ концѣ своего національнаго развитія и греческая образованность и іудейская религія снова встрѣчаются въ Египтѣ и вступаютъ ядѣсь во взаимобщеніе. Непосредственнымъ выраженіемъ вѣры служатъ религія. И вотъ въ этой области у древнихъ Грековъ мы видимъ необычайное богатство и разнообразіе міеовъ и культовъ. И природа, и историческія воспоминанія служили неистощимымъ матеріаломъ для созданія міеическихъ образовъ и сказаній. Наука и искусство, особенно послѣднее, также достигли, какъ извѣстно, у древнихъ Грековъ высокаго процвѣтанія. Устройство жизни народно-общественной и государственной было таково, что давало много-

численные и разнообразны поводы къ зрѣлищамъ, т. е., изобиловало элементомъ созерцательнымъ. При такомъ устроеніи жизни, очевидно, практическая сторона ея является зависимою отъ теоретическаго міросозерцанія. Не практическія нужды, при такомъ устроеніи жизни, занимаютъ въ ней главное мѣсто, а душевная потребность созерцанія и получаемое отъ удовлетворенія ея удовольствіе, — не полезное и выгодное, а непосредственно чувствуемая пріятность, наслажденіе, радость, наполняющая душу.

Когда же, какъ это мы видимъ у Римлянъ, практическія нужды, а не міровоззрѣніе, занимаютъ главное мѣсто въ жизни, когда мышленіе направлено не на познаніе дѣйствительнаго, истиннаго, а на установленіе въ жизненныхъ отношеніяхъ выгоднаго, полезнаго, честнаго, справедливаго, тогда главною дѣятельною силою въ духѣ человѣческомъ является *разсудокъ*, правящимъ, господствующимъ началомъ жизни служитъ не вѣра, а расчетъ: обдуманіе, соображеніе и точнѣйшее опредѣленіе средствъ и цѣлей, полезнаго и вреднаго, настойчивость въ достиженіи удаи, успѣха относительно одного желаемаго и въ устраненіи другого — не желаемаго. У древнихъ Римлянъ, какъ извѣстно, религія не была столь богата ни міеологическими образами и сказаніями, ни обрядовыми формами. Искусство и наука также не процвѣтали, и во всякомъ случаѣ, сравнительно съ дѣятельностію умственныхъ силъ, направленною на устроеніе жизни и проявленною наиболѣе совершеннымъ образомъ въ созданіи права, другіе роды духовной дѣятельности у Римлянъ имѣли значеніе второстепенное; за исключеніемъ устроенія жизни, въ остальномъ довольствовались заимствованіемъ у Грековъ, либо подражаніемъ тому, что ими сдѣлано.

Но и при ограниченіи, главнымъ образомъ, практическими нуждами жизни, дѣятельность человѣческая можетъ *происходить и развиваться болѣе или менѣе въ разныхъ направленіяхъ*, по крайней мѣрѣ можетъ имѣть не одинако-

вый объемъ, то расширяясь, то суживаясь и замыкаясь въ определенномъ разѣ навсѣгда кругу. Не ограничиваясь устройствомъ собственной жизни, практическій духъ народа проявляется также въ стремленіи къ распространенію власти и господства надъ другими народами. Такое стремленіе, хотя свойственно было въ древности и другимъ народамъ, но наибольшимъ успѣхомъ увѣчалось у Римлянъ, какъ народа по преимуществу пракческаго,—настойчиваго, твердаго въ своихъ намѣреніяхъ, предусмотрительнаго, осторожнаго и вообще расчетливаго. Въ новое же время, можно сказать, во всемъ мірѣ распространили свою власть Англичане,—народъ, также отличающійся практическимъ духомъ по преимуществу, разсудочнымъ направленіемъ своихъ духовныхъ силъ, народъ всегда отличавшійся приверженностію къ своимъ нравамъ и обычаямъ, но никогда не проявлявшій глубокой и сильной вѣры. Если когда и происходили движенія и перемѣны въ области религіозной вѣры у Англичанъ, то всякая такая перемѣна ознаменовывалась особымъ устройствомъ жизни, но не образованіемъ новаго ученія о предметахъ вѣры. Римъ выработалъ нормы гражданскаго устройства жизни. Англія создала такой способъ устройства государственной власти и такія формы самоуправленія общественнаго, которые послужили образцомъ для подобнаго же устройства жизни государственной и общественной въ другихъ странахъ Европы.

Развитію пракческаго духа и устройенію жизни у христіанскихъ народовъ не столько на началахъ вѣры, сколько на началахъ опытнаго научнаго знанія, именно на основаніи разсудительной предпримчивости и предусмотрительности, тщательнаго соображенія средствъ и цѣлей, вообще на началѣ расчета, много способствовали успѣхи естествознанія. Но міръ преусушьянія этого пракческаго расчетливаго духа, опирающагося на точномъ знаніи, вѣра ослабѣваетъ, и все болѣе теряетъ принадлежащее ей нравственно-воспитательное

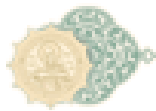

и образовательное значеніе. Прежде вѣра христіанская была началомъ господствующимъ въ жизни народовъ, началомъ, можно сказать, имѣвшимъ значеніе міровое, а теперь все болѣе низводится на степень частнаго мнѣнія, зависимаго отъ субъективнаго расположенія и признанія отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ. Какъ же могъ совершиться столь коренной переворотъ въ жизни Европейскихъ народовъ? Вѣдь смѣна началъ дѣятельности и жизненныхъ направленій съ великимъ трудомъ исполняется даже въ жизни отдѣльныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе въ жизни общественной и народной. Дѣло въ томъ, что практическій строй Римскаго народнаго духа и въ мірѣ христіанскомъ наложилъ свою печать на Римско-католическую церковь, въ которой, какъ извѣстно, политика возобладала надъ вѣрою, т. е. трезвый, все взвѣшивающій духъ дальновидности и расчета взялъ перевѣсъ надъ духомъ преданности, смиренія, благоговѣнія, любви. Правда, что расчетливый духъ Рима (славянофилы называли это раціонализмомъ) не совсѣмъ соотвѣтствовалъ страстному, пылкому характеру италіанскаго населенія новаго времени, но поэтому то, при благопріятномъ для того условіи, именно при содѣйствіи изученія древне-греческаго искусства въ эпоху возрожденія классицизма, съ такимъ блескомъ проявился здѣсь художественный гений; это проявленіе творческихъ силъ въ Италіи XV и XVI в.; этотъ необычайный подъемъ духовныхъ силъ, одушевленныхъ вѣрою, несомнѣнно слѣдуетъ отнести къ свойствамъ новой народности поселившейся въ Италіи; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало здѣсь же дѣйствовать съ неослабѣвающей энергіей и наслѣдіе древняго Рима, какъ это видно изъ того, что въ то же время могъ явиться такой мастеръ политическаго искусства, какъ извѣстный писатель Макіавели, создавшій, можно сказать, теорію этого искусства, въ которой явно высказывается полное пренебреженіе къ правиламъ христіанской нравственности, основаннымъ на вѣрѣ. Столь же оче-

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. II. 1905 г.

виднымъ образомъ тотъ же практически расчетливый, пренебрегающій требованіями вѣры, духъ римско-католической политики проявился въ учрежденіи и дѣятельности ордена іезуитовъ, какъ бы въ посмѣяніе надъ простотою и чистотою вѣры, названный обществомъ Іисуса. Изученіе классической древности возбудило также энтузіазмъ и на почвѣ германской; сильное и глубокое движеніе произошло зтѣсь прежде всего въ области религіозной. Римскій практицизмъ былъ отвергнутъ, возстановлено поправное начало вѣры (вѣра оправдываетъ, а не дѣла; не практика, хотя бы вѣроисповѣданная, важна, а важно настроеніе души въ духѣ вѣры и водительство въ жизни этимъ духомъ). Впрочемъ, это оживленіе вѣры въ области религіозной было столь же непродолжительнымъ, какъ и въ Италіи.

Въ области искусства начало вѣры въ Германіи такъ же было плодотворнымъ и важнымъ для успѣховъ просвѣщенія, какъ и въ Италіи; особенно важно было это новое движеніе духовныхъ силъ въ наукѣ нѣмецкой. Тѣмъ не менѣе все-же такое сильное возбужденіе вѣрующаго духа можетъ быть названо эпизодическимъ. Еще Римская имперія заложила въ Западной Европѣ прочное основаніе практицизма. Извѣстно какъ велико было значеніе Римскаго права въ исторіи Западной Европы. Французы обладаютъ острымъ и гибкимъ разсудкомъ, такъ что разсудочность, расчетливость надо признать важнѣйшею чертою ихъ духа. Но съ этимъ вмѣстѣ французскому духу въ высокой степени свойственны: энтузіазмъ, увлеченіе, страстное, беззабѣтное стремленіе къ идеалу—черты характерныя для начала вѣры. Но разсудочность, какъ свойство практическаго духа, и начало вѣры направляетъ на рѣшеніе вопросовъ практическихъ, именно политическихъ и соціальныхъ. Духъ вѣры, энтузіазмъ, стремленіе къ идеалу въ этой области выражается созданіемъ утопическихъ теорій о переустройствѣ

жизни государственной и общественной и за тѣмъ въ попыткахъ къ практическому осуществленію соціальныхъ идей.

Интересно прослѣдить (а для нашей цѣли и необходимо) за различными проявленіями начала вѣры на почвѣ практической. Теоретическій созерцательный духъ Грековъ въ мірѣ христіанскомъ проявилъ начало вѣры въ разработкѣ и въ приведеніи въ систематическій видъ основныхъ истинъ христіанства, такъ называемыхъ догматовъ. Католическая церковь, оставивъ въ сторонѣ догматическую часть вѣроученія, главныя свои усилія направила на распространеніе своего господства надъ народами, создавъ необходимыя для этой цѣли учрежденія, придавъ какъ можно болѣе блеска и пышности богослужебнымъ обрядамъ и установивъ сложную іерархію дѣятелей—органовъ верховной власти главы церкви. Затѣмъ, англійскіе моралисты и деисты, а еще болѣе французскіе энциклопедисты провели въ общее сознаніе и повсюду распространили ту мысль, что догматика и догматизмъ напрасно сѣуживаютъ область вѣры, создавая несоотвѣтствующій принципу христіанской любви *партикуляризмъ*. Вѣроисповѣдныя разности должно признать, по ученію філософовъ раціоналистовъ,—не существенными. И не только эти частныя различія въ христіанской религіи не важны, но и разности, раздѣляющія одну религію отъ другой представляются не существенными, если взять во вниманіе то, что, при сравненіи всѣхъ существующихъ религіозныхъ системъ и ученій, порождающихъ рознь и вражду между послѣдователями ихъ, оказываются нѣкоторыя черты сродства, нѣчто общее, что очевидно и слѣдуетъ признать наиболѣе важнымъ и существеннымъ. Такое общее содержаніе всѣхъ религій, если изъ нихъ извлечь, и представить въ видѣ немногихъ общихъ положеній, слѣдуетъ признать, по мнѣнію англійскихъ и французскихъ философовъ ХVІІ—ХVІІІ вв., религіей *общечеловѣческой*, свободной отъ всякой конфессіональной исключительности. Выводъ этотъ имѣлъ чрезвы-

чайную важность въ виду того, что еще въ недавнее до того время происходили страшныя междоусобія между приверженцами отдѣльныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Французскіе философы пошла въ этомъ отношеніи еще дальше, распространивъ начало вѣры и на область гражданско-политическую. Если въ религіи есть общечеловѣческія истины, то должны быть въ политикѣ *общечеловѣческія права*, примѣненіе которыхъ въ жизни должно создать всеобщее, общечеловѣческое гражданство. Но между всеобщими истинами религіозной вѣры и таковыми же правами жизни гражданской оказывается вотъ какое существенное различіе. Не трудно сдѣлаться послѣдователемъ общечеловѣческой религіи: стоитъ только пренебречь всѣми частными формами того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежишь по рожденію или въ силу иныхъ какихъ-либо условій; достаточно для этого добиться лишь полной свободы совѣсти. Но иное дѣло—общечеловѣческія гражданскія права: право если не примѣняется въ жизни, не осуществляется на практикѣ, не есть право, а пустое слово. Но какъ осуществить идеаль общечеловѣческаго гражданства? Для того слѣдовало бы перевернуть весь міръ, измѣнить природу людей, ибо партикуляризмъ въ ихъ крови. Начала—*свободы, равенства и братства*,—эти начала всеобщаго гражданства французы даже у себя дома не могутъ никоимъ образомъ осуществить. Партикуляризмъ религіозный ослабленъ, значительно утратилъ свою жизненность въ Западной Европѣ, но, взамѣнъ этого партикуляризма, усиливается и обостряется партикуляризмъ политическій, такъ что общечеловѣческое гражданство еще болѣе оказывается праздною, лишенною всякаго реальнаго значенія, мечтою, нежели общечеловѣческая религія, которой тоже въ дѣйствительности не имѣется. Стали теперь изучать жизнь *народовъ во всѣхъ видахъ и направленіяхъ*, дабы установить общечеловѣческіе законы этой жизни, а что таковыя существуютъ, въ этомъ сомнѣніе не допускается. Полагаютъ,

что этимъ путемъ можно придти къ начертанію *закономѣрнаго* (т. е. основаннаго на научномъ познаніи) идеала общечеловѣческаго гражданства. Но, вмѣсто опредѣленія законовъ общечеловѣческихъ общественной жизни, въ *соціологіи*—наукѣ, занимающейся рѣшеніемъ этой проблемы, мы видимъ пока лишь тенденціозную замѣну началъ вѣры христіанской началами чисто натуралистическаго практицизма: свобода духа, о которой учитъ христіанство, замѣняется *эгоизмомъ*, *индивидуализмомъ*, подъ громкимъ наименованіемъ свободы личности: свобода духа—плодъ воспитанія и самообразованія, а для свободы личности не требуется ни воспитаніе, ни образованіе, ибо признается натуральнымъ правомъ каждаго. Любовь христіанская замѣняется такъ называемымъ *альтруизмомъ*, т. е. естественною склонностію, симпатіей, родовымъ влеченіемъ челоуѣка къ челоуѣку,—свойство столь же натуральное, какъ и эгоизмъ.

Не трудно видѣть, что понятіе объ общечеловѣческомъ въ изложенныхъ выводахъ объ общечеловѣческой религіи и такомъ же гражданствѣ—совершенно ложно. По этому понятію за общечеловѣческое признается лишь то, что свойственно всѣмъ людямъ, каждому челоуѣку. Эгоизмъ и альтруизмъ въ смыслѣ родового влеченія свойственны даже всѣмъ живымъ существамъ, идеи божества, добродѣтели, безсмертія—что считается содержаніемъ общечеловѣческой религіи,—также замѣчаются у всѣхъ народовъ. Но вѣдь, когда говорится объ общечеловѣческомъ, то обыкновенно понимается общечеловѣческое, какъ наиболѣе *цѣнное*, *совершенное*, *желательное*, *идеальное*, а можно ли считать наиболѣе цѣннымъ и совершеннымъ то, что свойственно всѣмъ людямъ, всему челоуѣчеству? Напротивъ,—наиболѣе совершенное и цѣнное всегда было, есть и будетъ принадлежностію не всѣхъ, а только немногихъ, и потому всегда ли уместно относиться съ пренебреженіемъ къ партикуляризму? Многое изъ того,

что составляет частное достояніе, не выше для и не цѣннѣе много, даже безъ сравненія, безконечно много, цѣннѣе того, что свойственно всѣмъ людямъ! Итакъ, общечеловѣческое можетъ служить началомъ для оцѣнки лишь тогда, когда оно понимается не въ смыслѣ принадлежащаго, свойственнаго всѣмъ, а въ смыслѣ *достойнаго* быть принятымъ и признаннымъ болѣе или менѣе всѣми, всякимъ человекомъ, способнымъ усвоить это достойное всеобщаго признанія. Въ этомъ смыслѣ христіанская вѣра есть общечеловѣческая: вначалѣ она была достояніемъ самаго незначительнаго числа лицъ. Самъ по себѣ партикуляризмъ—т. е. ограниченіе лишь нѣкоторою, хотя бы и не большою частию человѣчества, не можетъ служить упрекомъ и умаленіемъ достоинства, принадлежащаго тому, что составляетъ истинное достояніе этой части человѣчества. Принимая за болѣе важное то, что свойственно всѣмъ и есть общее въ этомъ смыслѣ, а таковы физическія потребности, желанія—практическій духъ есть духъ желаній, интересовъ,—поэтому самому и высшія начала духовныя производятъ на степень низшихъ, превращая ихъ въ натуральныя свойства: свобода, какъ сказано, превращается въ индивидуалистическій эгоизмъ, а любовь въ такъ называемый альтруизмъ. Всѣ желаютъ наслажденій, удовольствій—всякій по своему вкусу. Поэтому и должно стремиться къ осуществленію такого общечеловѣческаго желанія,—и все стоящее на пути къ этой цѣли, всякіе частные интересы, каковы бы ни были, должны быть принесены въ жертву этому общечеловѣческому благу?

Слѣдуетъ однако замѣтить, что тѣ народы, которые считаютъ себя въ правѣ гордиться достигнутымъ ими могуществомъ и высокимъ уровнемъ культуры, цивилизаціи, подъ вліяніемъ этого сознанія своего національнаго достоинства, видоизмѣняютъ идею блага общечеловѣческаго въ томъ смыслѣ, что осуществленіемъ таковой идеи считаютъ распространеніе своей власти, господства, преобладающаго вліянія,

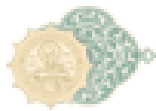

по возможности, на все народы. Различая высшие и низшие расы, считают справедливымъ, чтобы низшие расы были подчинены высшимъ. — Толкуя объ общечеловѣческомъ благоѣ, на самомъ дѣлѣ стремятся къ собственному благополучію, пользуясь для достиженія таковой цѣли всякими средствами. Практическое благоразуміе, осторожность, предусмотрительность особенно важны въ виду такой цѣли.

Теоретическій интересъ познанія истины, изслѣдованіе бытія съ цѣлью образованія міровоззрѣнія, всякаго рода ученія, идеи, понятія, не имѣющія ближайшей непосредственной связи съ дѣятельностію практическою, все подобное теперь устраняется, предается забвенію, отходитъ въ область давно пережитаго прошлаго. Практическое направленіе дѣятельности Англичанъ давно уже сдѣлалось предметомъ изученія и подражанія повсюду въ Европѣ. Признается важнымъ лишь то, что имѣетъ практическое значеніе и можетъ способствовать такъ или иначе достиженію практическихъ цѣлей жизни. Великіе писатели Европы предопредѣлили такое направленіе дѣятельности. Едва ли не самымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Шекспира считается *Гамлетъ*; по крайней мѣрѣ всегда особое вниманіе обращалось на это именно произведеніе. А въ чемъ заключается главный смыслъ этого произведенія? Принцъ Гамлетъ изучалъ философію и это занятіе развило въ немъ склонность къ размышленію. И вотъ такое направленіе его духа—по преимуществу теоретическое, сдѣлалось для него гибельнымъ, ослабило его волю до такой степени, что Гамлетъ оказался неспособнымъ исполнить возложенную на него обязанность. Духъ его терзается постояннымъ сомнѣніемъ,—отсюда нерѣшительность, слабость, словомъ—негодность для дѣятельности практической. Конечно, въ названной трагедіи можно находить и нѣчто иное, быть можетъ болѣе важное, именно потрясеніе нравственныхъ основъ въ духѣ Гамлета вслѣдствіе утраты необходимой для нравственности вѣры въ добро и людей. Но

прежде всего Гёте (въ своемъ романѣ *Вильгельмъ Мейстеръ*) обратилъ вниманіе не на это, а на выше обозначенную сторону въ характерѣ Гамлета, какъ имѣющую особенный интересъ съ практической (а не нравственной) точки зрѣнія. У самаго Гете господство практической тенденціи многообразно выражается: Фавстъ съ презрѣніемъ говоритъ о школьной учености (философія, богословіе), столь далекой отъ жизни, лишенной практическаго значенія: теорія сѣра, безцвѣтна въ сравненіи съ цвѣтущимъ деревомъ жизни. Въ Евангеліи сказано, что вначалѣ было слово, т. е. мысль, идея; не слово, а дѣло, говоритъ Фавстъ, слѣдуетъ признать началомъ и основаніемъ всего. Въ концѣ названнаго романа Гете рисуетъ картину оживленной промышленной дѣятельности, какъ бы въ предвѣдѣніи недалекаго будущаго Европы. Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе входило въ нравы съ пренебреженіемъ относиться къ метафизикѣ, къ богословію и къ чистой наукѣ вообще. Въ Америкѣ только прикладныя знанія уважаются. Столь рѣшительное преобладаніе въ жизни практическаго направленія къ тому привело, что для огромнаго большинства совсѣмъ утраченъ смыслъ многихъ важныхъ элементарныхъ понятій, какъ, напримѣръ—истина (важенъ фактъ, а не истина), правда (съ практической точки зрѣнія успѣхъ важнѣе), совѣсть, честь (важно заслужить хорошее о себѣ мнѣніе), добродѣтель, вѣра и под. Господство эмпиризма, также изъясняется преобладаніемъ практическаго направленія жизни. Науку, ученіе принято противопоставлять жизни; это значитъ, что подъ названіемъ жизни разумѣется исключительно практическая дѣятельность. О внутренней жизни духа, можно сказать, понятіе вовсе утрачено.

Послѣ сказаннаго не трудно понять въ какомъ смыслѣ говорится иногда, что жизнь переросла церковную догму. Многимъ кажется поэтому, что церковное ученіе надо подпергнуть нѣкоторому преобразванію, привести въ согласіе съ духомъ времени. Суровый идеалъ аскетическаго предпочте-

нiя духовныхъ потребностей плотскимъ нуждамъ и подчиненiя послѣднихъ первымъ—что такъ противорѣчитъ господствующему въ наше время экономическому матеріализму, замѣняется идеаломъ всеобщаго благополучiя, счастья, довольства, и это называется Царствомъ Божиимъ. Царство Божiе не есть царство духа, самоотреченiя, правды и истины, а царство любви, но любовь отождествляется съ альтруизмомъ, слѣдовательно, понимается какъ свойственное природѣ челоуѣка родовое влеченiе къ себѣ подобнымъ, какъ гуманизмъ. Христiанская любовь опирается на идеѣ равенства всѣхъ предъ *Богомъ*, слѣдовательно, на любви къ Богу, которая, поэтому, полагается на первомъ мѣстѣ (возлюбиши Бога твоего...). Современное же понятiе о любви имѣетъ въ своемъ основанiи предположенiе о равенствѣ всѣхъ людей *по природѣ* (природа у всѣхъ одинакова). Яснѣе выражается эта замѣна религiознаго сознанiя натуралистической гипотезой (о животномъ происхожденiи челоуѣка) въ современномъ политическомъ ученiи о *воли народа*, какъ основанiи верховной власти,—принципъ, сдѣлавшiйся, можно сказать, общепринятымъ со времени Руссо, теперь же получившiй нѣкоторое научное оправданiе. По этому ученiю какъ отдѣльный челоуѣкъ есть виновникъ своей судьбы, по крайней мѣрѣ долженъ быть таковымъ, и рѣшающею силою въ жизни должна быть единственно воля (но не совѣсть), такъ и государственная жизнь народа должна быть произведенiемъ его воли (замѣстителемъ которой является, впрочемъ, воли избранныхъ народомъ лицъ). Итакъ, въ исторической судьбѣ народа не должно быть мѣста для вѣры въ Провидѣнiе, для признанiя воли Божiей; религiозный элементъ какъ не практический (а созерцательный), какъ начало вѣры, а не расчета, изъ современнаго строя жизни государственной и общественной исключается; для этого пока еще не совѣмъ пережитаго остатка старины нѣкоторое убѣжище предоставляется у домашняго очага, въ семейной жизни; продол-

жается существованіе религіозной вѣры и въ жизни общественной, но только по традиціи; однако приписываются мѣры умалить и, по возможности, вовсе устранить влияніе этого элемента на ходъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ.

Русскій народъ, на зарѣ своей исторической жизни, воспринялъ христіанское воспитаніе. По сему характеръ народа образовался и окрѣпъ подъ преобладающимъ воздѣйствіемъ христіанскаго духа. Что-жъ? Имѣется ли какое-нибудь основаніе сожалѣть о томъ, что въ исторіи Русскаго народа вѣра христіанская занимала такое большое мѣсто? Никакое другое начало не могло бы въ такой мѣрѣ способствовать тому, чтобы разрозненные элементы народно государственной жизни объединились и образовали такъ крѣпко сплоченное цѣлое. Стоять всѣмъ вмѣстѣ какъ одинъ человекъ—это выраженіе, столь употребительное въ древней Руси, есть прямое проявленіе единства вѣры. Мысль о всенародной сплоченности, о соединеніи силъ и направленіи ихъ къ одной цѣли,—эта излюбленная русскимъ народомъ мысль (ясно она отразилась и въ русской церковной архитектурѣ въ видѣ сплоченности многихъ главъ) есть прямой идеаль православной церковности. Современная интеллигенція противопоставляетъ этому идеалу излюбленный на западѣ принципъ индивидуализма, начало отдѣльной личности подъ названіемъ свободы личности. Единство народной жизни—этотъ принципъ можно и должно принять безъ всякаго ограниченія. Но можетъ ли быть принятымъ, также безъ всякаго ограниченія, противоположный принципъ свободы личности. Какихъ великихъ благъ для государства и народа можно достигнуть, оставаясь при одномъ этомъ принципѣ? Отдѣльное лицо, пусть будетъ даже гениальное, почерпаетъ свою творческую производительность изъ народнаго духа, следовательно, дѣятельность отдѣльнаго лица можетъ быть плодотворною и жизненною, лишь пока это лицо остается въ союзѣ и единствѣ съ ду-

хомъ народа. Можно сказать, пожалуй: вѣры у нашего народа много, но мало практичности; народъ нашъ не практиченъ, и не потому ли онъ такъ мало преуспѣваетъ въ практической дѣятельности, что преисполненъ вѣры? Ибо вѣра располагаетъ къ лѣни, безпечности, пренебрегаетъ развитію такихъ важныхъ качествъ, какъ предусмотрительность, бдительность. Кто возлагаетъ всю свою надежду на Бога, тотъ мало надѣется на себя, на свои силы. Однако здравый смыслъ народа этого не подтверждаетъ. Говорится вѣдь: на Бога надѣйся, а самъ не плошай. Наша интеллигенція кажется давно уже отрѣпилась отъ вѣры, отъ религіозныхъ предразсудковъ, однако практичности у нея далеко меньше, чѣмъ даже у простого народа.

Что наша интеллигенція рѣчиста, но мало дѣловита, это, кажется, у насъ все болѣе и болѣе начинаютъ понимать. Конечно, и слово есть дѣло, но только тогда, когда пользуются словомъ для изслѣдованія, имѣющаго цѣлью познаніе истины, для указанія современныхъ потребностей, для исправленія заблужденій распространенныхъ и распространяемыхъ. Только для дѣловитаго пользованія словомъ, какъ и для всякой дѣловитости, необходимо серьезное образованіе, а гдѣ оно у насъ? Пока еще очень его у насъ недостаточно. Необходимо образованіе и для того, чтобы народный трудъ былъ и болѣе энергичнымъ, настойчивымъ и упорнымъ, и болѣе цѣлесообразнымъ. Помощь научнаго образованія во всякомъ дѣлѣ всѣми признается.

Вполнѣ соответствуетъ у насъ народному идеалу (въ духѣ религіозномъ) существующій строй государственной жизни. Во главѣ государства поставлена исторіей *христіанская совѣсть* царя, монарха, ничѣмъ неограниченнаго въ своей верховной власти, ибо не можетъ быть такого рѣшающаго начала, которое было бы выше христіанской совѣсти или равно ей. Требовать у насъ ограниченія верховной власти, стремиться къ тому значитъ на равную степень съ

совѣстью, исполнѣ свободно и ничѣмъ нестѣсненною, поставить низшее, по достоинству, начало практическаго расчета, перѣдко, очень близорукаго и состоящаго обыкновенно во власти мотивовъ, препятствующихъ быть справедливымъ и добросовѣстнымъ. Для неограниченнаго монарха, по самому его положенію (не говоря уже объ историческихъ традиціяхъ), не существуетъ побужденій, стѣсняющихъ, иногда же вовсе задерживающихъ свободное дѣйствованіе христіанской совѣсти, тѣхъ побужденій, отъ которыхъ никогда не бываютъ исполнѣ свободны частныя лица (самолюбіе, властолюбіе и честолюбіе, корыстолюбіе, а главное — приверженность къ одной партіи). Только человѣкъ, послушный голосу христіанской совѣсти, заботится не просто объ успѣхѣ, но о такомъ успѣхѣ всякаго дѣла, который не былъ бы въ противорѣчіи съ правдою. Славянофилы признавали предназначеніемъ Русскаго народа не просто распространеніе въ мірѣ господства, власти, чего домогаются другіе народы, но распространеніе христіанскаго духа, христіанскаго просвѣщенія, всюду вытѣсняемаго матеріализмомъ.

Необходимо дать, въ лицѣ призванныхъ для того народныхъ представителей, въ управленіи государствомъ, самое широкое мѣсто для надлежащей освѣдомленности (при пособіи свободной, по патріотической печати), внимательности къ народнымъ нуждамъ, предусмотрительности, вообще настоящей дѣловитости, практичности, опирающейся на твердомъ основательно провѣренномъ знаніи вещей и дѣлъ. Но высшею рѣшающею силой всегда должна оставаться свободная, ничѣмъ не стѣсняемая, христіанская совѣсть царя. Таково рѣшеніе главнаго въ настоящее время вопроса государственнаго, диктуемое исторіей и безпристрастной философій.

Все изложенное приводитъ къ слѣдующимъ заключительнымъ положеніямъ.

Нравственный характеръ человѣка и его дѣятельности, въ основаніи своемъ, опредѣляется двумя главными усло-

вѣями: Характеръ и дѣятельность человѣка, цѣлаго даже общества, если не всего народа, можетъ опираться на твердомъ и искренномъ убѣжденіи въ существованіи всѣмъ управляющей міровой силы и власти. Отсюда получается взглядъ на дѣятельность, какъ на назначеніе высшей воли, требующей себѣ покорности, повиновенія, преданности. Человѣкъ вѣрующій не свою волю творитъ въ своихъ дѣлахъ, но волю Божию. Или же, напротивъ, человѣкъ руководится увѣренностію въ томъ, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ высшей воли, которая къ чему бы то ни было обязывала и руководила, хотя бы даже жизнью цѣлаго народа, не то что дѣятельностію отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Такая увѣренность, ясно сознаваемая, или скрытая,—это другое условіе, сообщающее опредѣленный характеръ человѣку и его дѣятельности. Обыкновенно, при сказанной увѣренности, человѣкъ, въ своемъ поведеніи, является самоувѣреннымъ, корыстнымъ, надменнымъ. Въ случаѣ удачи, успѣшнаго веденія дѣлъ, мы видимъ у такихъ людей, вмѣсто скромности, самоувѣренность, хвастливость, высокомеріе, въ противномъ же случаѣ—малодушіе, упадокъ духа.

Опытъ нерѣдко показываетъ, что человѣкъ, и вообще люди, какъ бы противятся тому и неохотно рѣшаются на то, что оказывается въ послѣдствіи при выяснившемся ходѣ дѣятельности, либо исторіи, прямымъ ихъ назначеніемъ, призваніемъ. Не всегда прямо, но чаще человѣкъ идетъ къ своей конечной цѣли лишь окольными путями, что выясняется для него потомъ съ теченіемъ времени. Это обязываетъ человѣка тщательно вникать въ исторію своего народа, а также быть внимательнымъ и къ обстоятельствамъ своей жизни, къ свойствамъ своей натуры, съ тѣмъ, чтобы познать себя, что важно для избранія всегда и рода дѣятельности и надлежащаго пути и соответственныхъ способовъ къ достиженію конечной цѣли. Вѣра въ себя, въ свои силы много значитъ; только источникомъ такой вѣры должна быть вѣра въ бытіе нравственнаго міропорядка и силы, этотъ порядокъ поддержи-

вающей и осуществляющей. Какъ бы человѣкъ ни былъ дѣятеленъ и предусмотрителенъ, но онъ не можетъ во всемъ положиться лишь на одно свое знаніе и свою единственно волю; и въ малыхъ дѣлахъ приходится иное предоставлять, какъ говорится, на волю судьбы, на счастливое стеченіе обстоятельствъ. Тѣмъ болѣе народъ, общество, какъ бы ни было велико образованіе и велика опытность, не могутъ основать всю свою жизнь на одномъ расчетѣ. Но, конечно, вѣра необходима не для усыпленія и утраты бдительности, а, напротивъ, для того, чтобы служить твердою опорою энергіи.

П. Линицкій.